

УДК 821.111
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА ТОМАСА ГАРДИ «ДЖУД НЕЗАМЕТНЫЙ» В РОССИИ

Анастасия Викторовна Баранова

аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования
Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, г. Томск, просп. Ленина, 36. baranskikh@yandex.ru

SPIN-код: 4924-1464

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3296-706X>

ResearcherID: H-4473-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баранова А. В. Первые переводы романа Томаса Гарди «Джуд незаметный» в России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 73–81. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81

Please cite this article in English as:

Baranova A. V. Pervye perevody romana Tomasa Gardi «Dzhud nezametnyy» v Rossii [The First Russian Translations of Thomas Hardy's *Jude The Obscure*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 73–81. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81 (In Russ.)

В статье представлен анализ русских переводов романа Томаса Гарди «Джуд незаметный», относящихся к концу XIX в. Отмечается, что первый перевод, выполненный В. Е. Кардо-Сысоевой, охватывает только начало романа, отличается высокой адекватностью передачи образа главного героя, но роль типичного для Гарди всеведущего автора в переводе редуцирована. Женский образ, воплощающий, по замыслу Гарди, земное, плотское и даже животное начало, в английском тексте прописан в натуралистической манере. Кардо-Сысоева избегает натуралистичности в описании героини, что могло бы сгладить выстроенные автором оппозиции героев, в случае если бы перевод романа был бы полным. Второй перевод, выполненный И. В. Майновым и считающийся первым полным переводом произведения, характеризуется значительными сокращениями. Он озаглавлен переводчиком «Джуд неудачник», что свидетельствует о подмене авторской позиции позицией переводчика в отношении главного героя романа. Подобный выбор заглавия отражает главную особенность этого перевода – выраженное акцентирование сюжета романа и почти полное игнорирование более глубоких слоев произведения.

Ключевые слова: переводы романов Томаса Гарди; «Джуд неудачник»; «Простаки»; многоуровневая структура романа; переводческая интерпретация.

В 2015 г. Роберт Маккрам, английский журналист, историк и писатель, создал список ста лучших, по его мнению, романов, написанных когда-либо на английском языке. В этот список включен и роман Томаса Гарди «Джуд незаметный» [Офиц. сайт газеты «The Guardian» 2015]. Возможно, такая оценка покажется спорной, но, без сомнения, этот последний роман писателя является знаковым хотя бы потому, что завершает цикл «Романов характеров и среды». По мнению многих литературоведов, этот цикл представляет собой постепенную трансформацию поэтики викторианских романов в литера-

турные формы и темы наступающего XX в. Именно в «Джуде» основные темы и конфликты цикла достигают масштабов трагедии, а художественные приемы предвосхищают эпоху модернизма и символизма [Гордиенко 2008; Абилова 2014: 74].

Графство Уэссекс, полуреальное и полуисторическое место, стало той средой, в которой развивались сюжеты романов Гарди, и эта среда постепенно, от романа к роману, деградировала. Идиллический и пасторальный мир старой доброй Англии [Гордиенко 2008] в «Джуде» впервые уступает место урбанистическому серому

пейзажу, ассоциирующемуся с упадком и депрессией [Серебрякова 2010: 60].

Геометричность построения композиции – еще одна характерная черта романного творчества писателя, которая наиболее наглядно представлена в «Джуде незаметном». Квадрат характеров и любовный треугольник составляют основную геометрию этого романа [Шимица 2009: 72].

Важнейшим элементом, с одной стороны, объединяющим цикл романов, с другой стороны, получившим в них заметное развитие, является их тематика и проблематика. Основные темы «Романов характеров и среды» – это конфликт между мечтой и реальностью, противопоставление жестокого города пасторальной деревне, старого и нового, мужского и женского начал, личности и религии, личности и общества, человека и судьбы, Бога, а также темы регионального исторического прошлого, роковой любви и пр. Все эти темы имеют романтические истоки [Гордиенко 2008]. Однако, преломившись через реалистическую, а иногда и натуралистическую писательскую манеру Гарди и пройдя путь от едва намечившихся противоречий до философских глубинных конфликтов, они приобрели в «Джуде» истинно трагический масштаб, масштаб греческой трагедии [В. Dennis 2000: 46]. Неслучайно М. Миллгейт сравнивает героев последнего романа, Джуда и Сью, с героями Ф. М. Достоевского [Millgate 1971: 319]. Неразрешимость конфликта человека и среды выражается в открытом финале романа. Ф. А. Абилова отмечает, что в процессе создания цикла романов Гарди постепенно переходит от закрытых финалов, характерных для классического викторианского романа, к такому типу открытого финала, в котором при его формальной фабульной законченности не происходит разрешения основных конфликтов произведения. «Изображенные события указывают на неразрешимость жизненной драмы, на невозможность восстановления гармоничного бытия, транслируя нерешенную проблему за пределы произведения» [Абилова 2014: 78].

По мере появления новых произведений цикла эволюцию претерпевают и заголовки романов. Так, характерным решением Гарди в последних романах цикла: «Мэр Кэстербриджа», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и «Джуд незаметный» – является использование собственных имен в качестве заглавия. Именно в этих романах конфликт личности и среды приобретает трагический характер и собственные имена в заглавии выдвигают личность на первый план. Но если в первых двух романах Гарди использовал подзаголовки, выражающие авторское отношение к главным героям [Абилова 2015: 66], то в «Джуде» основным информативным элементом заго-

ловка становится метафорический атрибут (*the Obscure*) с определенным артиклем, маркирующим устойчивость и неотъемлемость данного качества для личности героя [Серебрякова 2010: 59]. Образное начало в заглавии «Jude the Obscure» усиливается за счет многозначности слова «obscure». Англоязычный читатель в процессе чтения может активировать соответственно то или иное значение этой метафоры, в зависимости от контекстного восприятия. В этом слове «запаковано» несколько смыслов, каждый из которых актуализируется в процессе развития сюжета.

Однако к заглавию «Jude the Obscure» Гарди пришел не сразу. Впервые роман был опубликован в журнале «Харперс» под заглавием «The Simpletons» («Простаки») в 1894–1895 гг. Многие критики сходятся во мнении, что название «Простаки», прежде всего, соотносится с образами Джуда и Сью и отражает такие общие для обоих качества, как простота, наивность, непрактичность и неприспособленность к суровым жизненным реалиям [Millgate 1971: 319]. Как и в случае с романом «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», оригинальный сюжет романа был значительно изменен под давлением редакторов.

Достаточно быстро, в августе 1896 г., в газете «Русские ведомости» появляется русский перевод отрывка из «Простаков», выполненный Варварой Евграфовной Кардо-Сысоевой. Это не первое произведение Гарди, напечатанное в данном издании. В апреле 1896 г. в газете появился перевод его рассказа «Гусар германского легиона» («The melancholy hussar of the German legion») в исполнении той же переводчицы. Кроме того, к этому времени русский читатель уже был знаком с переводом романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и нескольких рассказов английского писателя [Баранова 2015: 14].

Упомянутый отрывок является переводом начала романа, опубликованного в декабрьском номере журнала «Харперс» 1894 г. Финалом русского перевода становится сцена, в которой Джуд предвкушает свидание с Арабеллой, тогда как сюжет английского текста в американском журнале развивается чуть далее. Таким образом, русский читатель расстается с главным героем в тот момент, когда его невзгоды только начинаются: *«Мимолетная рассудительность утратила свою силу, и Джуд опять совершенно растерялся под наплывом свежего неизведанного наслаждения. Он ясно осознавал только одно: завтрашний день он опять увидит ее, эту девушку, которая так странно разжигала его чувства»* [пер. Кардо-Сысоевой 1896]. Остановившись на этой сцене, переводчица придала определенную логическую законченность отрывку при открытом финале.

В целом первый русский перевод романа Гарди (отрывка из «Джуда») можно охарактеризовать как достаточно близкий к оригиналу. Было ли это осознанным выбором переводческой стратегии В. Е. Кардо-Сысоевой, или небольшой объем переводимого материала определил подобный подход, сказать сложно, но перевод «Простаков» передал глубокий психологизм оригинального текста, сохранив большой объем описаний внутреннего мира Джуда, авторских отступлений и рассуждений. Основной конфликт главного героя и реальности мира, составляющий одну из геометрических оппозиций в романе, четко прослеживается в переводе Кардо-Сысоевой.

Перевод всех деталей, библейских сравнений, прямой речи Джуда позволяют читателю ощутить состояние героя, увидеть мир через призму его мировосприятия. Таким образом, достигается большая вовлеченность читателя не только в сюжетный уровень произведения, но и в более глубокие психологические «слои» романа.

Однако, сфокусировавшись на образе главного героя, переводчица в меньшей степени отразила образ «всеведущего» автора, опустив в русском тексте его комментарии относительно того, «что было бы, если бы все было по-другому». Такой прием «увеличения масштаба полотна» позволяет автору показать через трагедию одно-

го человека трагедию судеб многих людей. Он также помогает писателю создать определенное настроение в восприятии дальнейших событий сюжета и заставляет читателя размышлять о роли случая в судьбе. Однако можно и предположить, что пропуск указанных авторских комментариев был обусловлен форматом жанра рассказа, в котором выполнялся перевод отрывка.

Третий персонаж отрывка – Арабелла, по сюжету в будущем первая жена Джуда, олицетворяет, по замыслу автора, женское, земное начало, материальный грубый мир. Необходимо отметить, что в английской журнальной версии описание внешности этой героини несколько смягчено, по сравнению с последующим книжным изданием. Так, в журнальной версии во фразе: «She was a complete and substantial female animal» (Она была абсолютная, настоящая самка) слово «animal» (животное) было заменено на «human» (человек), т. е. эту фразу можно было бы перевести как «настоящая женщина». Однако и такая метафора, по-видимому, показалась переводчице слишком натуралистичной, и описание внешности Арабеллы в переводе звучит нейтрально, без каких-либо негативных подтекстов. Тем более не упоминается умение Арабеллы в нужный момент имитировать ямочки на щеках, что в оригинальном тексте символизирует фальшивость ее натуры.

Оригинал

She ...was a fine dark-eyed girl, not exactly handsome, but capable of passing as such at a little distance, despite some coarseness of skin and fibre. She had a round and prominent bosom, full lips, perfect teeth, and the rich complexion of a Cochinchina hen's egg. She was a complete and substantial female human – no more, no less... [Thomas Hardy, «The Simpletons» 1894].

Перевод Кардо-Сысоевой

Она ...была красивая, темноглазая девушка, не то чтобы настоящая красавица, а могущая сойти за таковую, на известном расстоянии, по крайней мере. У нее был полный стан, полные губы, два ряда красивых зубов и здоровый цвет лица [пер. Кардо-Сысоевой 1896].

Дословный перевод (наш)

Она была привлекательная темноглазая девушка, не так чтобы красивая, но способная казаться таковой на небольшом расстоянии, несмотря на несколько огрубевшую кожу. У нее была круглая большая грудь, полные губы, отличные зубы и цвет кожи яйца кохинхинки. Она была абсолютная, настоящая женщина – ни больше ни меньше.

Таким образом, первым русским переводом романа «Джуд незаметный» был перевод отрывка (первых шести глав) журнальной версии подлинника, озаглавленного изначально как «Простаки». При достаточно полном переводе отрывка особое внимание переводчица обратила на образ главного героя и развитие его внутреннего мира. Тем не менее часть деталей, относящихся к раскрытию образа Джуда, остались неперевереденными, что, возможно, связано с форматом «отрывка рассказа». В меньшей степени отражен в переводе образ «всезнающего автора», удалена авторская ирония, смягчена натуралистичность образа Арабеллы.

Год спустя (в 1897) в журнале «Северный вестник» появился первый полный перевод романа в переводе Ивана Васильевича Майнова.

К ноябрю 1895 г. в английской печати вышла книжная версия романа, озаглавленная «Jude the Obscure», в которой автор восстановил сюжетные линии, удаленные из журнального издания. Несомненно, что текстом-источником первого полного перевода романа служила именно книжная версия произведения. В 90-е гг. XIX в. журнал «Северный вестник» переживал финансовые трудности, вызванные снижением числа его подписчиков и падением популярности. Возможно, выбор «нашумевшего» романа знаменитого писателя был попыткой привлечь к журналу читательскую аудиторию. Неслучайно начало романа снабжено сноской к имени автора: «Томас Гарди (Thomas Hardy), один из наиболее известных и талантливых романистов современной Англии.

Предлагаемый в переводе роман его “Jude the obscure”, появившийся в 1896 г., вызвал большой шум в английской печати» [пер. Майнова 1897]. Таким образом переводчик расширил заглавный комплекс, добавив «приманку» для возбуждения читательского интереса и преподнеся свой труд как перевод скандально известного произведения.

В русском переводе роман был озаглавлен как «Джуд неудачник». Такой переводческий выбор постпозитивного атрибута в заглавии обращает на себя внимание, так как английское прилагательное “obscure” при всем многообразии значений не имеет семы «неудачник». Следовательно, переводчик сознательно избегает выбора одного из значений этого английского прилагательного, а вместо этого добавляет качество, которое, по мнению С. В. Серебряковой, «верно по существу как окончательный смысловой вывод, отражающий концепт произведения», но при этом утрачивается «индивидуально-авторская метафоризация, усложняющая образ главного персонажа...» [Серебрякова 2010: 61].

Оригинал

...he was *the sort of man* who was born to ache a good deal... [Thomas Hardy 1994: 13].

Перевод

Джуд был из категории *неудачников*, которым суждено много пострадать... [пер. Майнова 1897].

Дословный перевод

Он относился к *тому типу людей*, которые рождаются, чтобы много страдать...

Во-вторых, принимая за основу выделенные Е. В. Шиминой три уровня понимания действительности в романе [Шиминова 2009: 216], можно предположить, что такое заглавие в переводе наиболее полно (но не полностью) передает только первый, внешний, собственно сюжетный уровень. Второй уровень – внутренний мир героев, который, по сути, составляет наиболее весомую часть произведения, в русском переводе оказался лишь обозначен. Третий, универсальный, уровень библейских и мифологических аллюзий, шекспировских реминисценций, «говорящих» имен и ассоциаций при переводе на русский язык также передан только частично.

Говоря о первом внешнем уровне романа, необходимо начать с его формальной структуры. Перевод, как и оригинал, состоит из шести частей. Однако последние две части перевода содержат меньшее количество глав, чем оригинал. Ряд глав переведен в форме краткого пересказа сюжета. Кроме того, многие переведенные главы имеют меньший, по сравнению с оригиналом, текстовый объем вследствие пропуска нескольких абзацев, а иногда и страниц. Таким образом, уже на формальном уровне перевод Майнова представляет собой сокращение и частичный пересказ романа.

Анализируя реализацию первого внешнего уровня в переводе Майнова, прежде всего, обращаем внимание на удаление или сглаженную

Однако сомнительно и то, что концепт романа можно охарактеризовать понятием «неудача». Во-первых, в самом мировосприятии Гарди категории «удача-неудача» вряд ли являются актуальными. В его миропонимании выбор в жизни человека – лишь иллюзия, и что бы он ни выбирал, конечным итогом становится смерть и небытие. Во-вторых, понятия «удача» или «неудача», по Гарди, относительны. Так, по мнению одного из английских исследователей, все жизненные невзгоды, выпавшие на долю Джуда, стали толчком для его нравственного и духовного развития. С этой точки зрения, главный герой преуспел в своей жизни [Kelly Tucker 2001: 42]. Таким образом, охарактеризовав Джуда как неудачника, переводчик, во-первых, искажает авторскую позицию по отношению к главному герою (подменяет ее своей). Подобную подмену авторских оценок можно проследить и на других примерах, где переводчик усиливает оценочную составляющую авторской позиции и, более того, делает ее явно негативной.

передачу сюжетных элементов, связанных с сексуальными отношениями Джуда и Арабеллы. Подобное «утаивание» фактов сюжета нарушает логику повествования, и последующие поступки, мысли и эмоции персонажей оказываются непонятны русскому читателю. В оригинальном тексте «животное влечение», возникшее при первой встрече Джуда и Арабеллы, представлено автором как типичный, неизбежный и не зависящий от воли людей ход вещей. Это – обобщение и описание механизма, уловки или капкана, по мнению Гарди, придуманного природой с целью размножения вида. Герои романа – одни из миллионов людей, подчиняющиеся через инстинкты слепой воле природы. Описание сексуальных чувств в романе Гарди – это способ не развлечь или привлечь широкую читательскую аудиторию, а передать авторскую концепцию жизни и человека, в частности, изображения бессилия воли человека, пусть даже имеющего высокие цели, перед слепой Волей, бессмысленным хаосом Вселенной. Пропуск подобных моментов подлинника при переводе не только удаляет из текста авторскую позицию, но и превращает произведение, наполненное глубокой философией и психологизмом, в незамысловатый «рассказ деревенского диакона».

Оставив непереверденными авторские отступления о природе отношений Джуда и Арабеллы,

которые сопровождают описание их знакомства, переводчик не только избегает «неприличной» темы сексуальности, но и тем самым ниве-

лирует контраст между духовными отношениями, возникшими впоследствии между Джудом и Сью.

Оригинал

The unvoiced call of woman to man, which was uttered very distinctly by Arabel-la's personality [Thomas Hardy 1994: 44].

Анализируя передачу первого внешнего уровня нарратива романа, необходимо также отметить упрощенную и сокращенную передачу внешности персонажей, в особенности Арабеллы. При описании этой героини, воплощения животного, земного начала, Гарди использует натуралистическую манеру, тогда как в описании внешности хрупкой, почти бестелесной Сью угадываются романтические мотивы. Таким образом, описание внешности является одним из способов изображения психологического типа персонажа, и авторские описания двух контрастных женских образов «работают» на построение

Перевод

_____

Дословный перевод

Немой призыв женщины к мужчине, который очень ярко проявлял себя в натуре Арабеллы.

строгой геометрии романа и выражение авторской концепции человека и его отношений с миром. Соответственно, сокращения таких описаний при переводе, изменение авторской стилистики в описании внешности героев ведут к искажению вышеназванного. В данном случае можно говорить о том, что в переводе контраст между двумя женскими образами стал не таким напряженным.

Описание внешности Сью в русском переводе также претерпевает сокращение, при этом теряется важная для Гарди воздушность и эфемерность ее образа.

Оригинал

She looked right into his face with liquid, untranslatable eyes, that combined or seemed to him to combine keenness with tenderness, and mystery with both... [Thomas Hardy 1994: 106].

Внешний облик мужских персонажей, Джуда и Филлотсона, подобным же образом перестает работать на передачу психологических качеств героев и авторской позиции, а больше напоминает бесстрастное описание примет человека.

Характерной чертой первого русского перевода романа является минимальная передача английских национальных и исторических реалий произведения. Хотя переводчик не может не перевести название основных городков и сел, так как сама структура романа построена на перемещении персонажей из города в город и каждая глава озаглавлена названием их очередного места проживания, он все же сокращает объем перевода, «сэкономив» на исторических и географических описаниях местности. Переводчик избегает использования концептуально значимого для английского писателя географического названия «Уэссекс», заменяя его выражением «в этих местах».

В оригинальном тексте произведения встречается большое количество цитат из Библии, детских стишков, надписей на латинском, стихов известных английских поэтов, а также поэтов, писавших на дорсетском диалекте. В русском переводе они фактически отсутствуют. Это не только искажает формальную структуру романа

Перевод

Она прямо смотрела ему в лицо своим добрым открытым взглядом, но, вероятно, не узнала его [пер. Майнова 1897].

в переводе, но и лишает его интертекстуальных связей, культурного и национального контекстов. Несомненно, что такое игнорирование цитат при переводе обедняет и психологический образ персонажей, а главное – идейный (внутренний) уровень произведения.

В этой связи необходимо отметить, что Майнов перевел эпиграфы лишь к первым четырем частям романа, оставив последние две части без них. Более того, нумерация частей в русском переводе оказалась нарушена. Эта явная ошибка и факт значительного сокращения последних двух частей, а также несколько лингвистических ошибок во второй половине текста (например, выражение «shadowy third» было переведено как «третья тень» вместо «призрачный третий») свидетельствуют о том, что, возможно, переводчик торопился сдать перевод в срок.

Еще одним примером удаления интертекстуальных связей из текста перевода является пропуск абсолютно всех имен исторических, политических, научных и религиозных деятелей Англии, Европы, а также античных времен. Это фактически «стирает» исторический и культурный контекст (дискурс) романа. Гарди упоминает имена писателей и мыслителей не только для придания значимости Кристминстеру. Гораздо

Дословный перевод

Она прямо посмотрела ему в лицо своими светлыми с поволокой загадочными глазами, которые сочтала, или ему казалось, что сочтала, пронизательность, нежность и тайну.

чаще они «работают» на создание психологических портретов персонажей. Переделав известную поговорку: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», можно выразить подход Гарди к описанию уровня интеллектуального развития героев романа, в особенности Сью и Джуда. Таким образом, перечисление тех авторов, которыми была в свое время увлечена Сью, представляет собой значимую информацию о героине для эрудированного читателя [Michael Wheeler 2007]. В русском тексте этих имен нет.

Интертекстуальные связи используются автором для раскрытия не только образов персонажей, но и отношений между ними. Так в беседе с приятелем Филлотсон сравнивает отношения Джуда и Сью с отношениями героев П. Шелли – Лаон и Цитна. Это важное сравнение, которое раскрывает романтическую, духовную основу их любви, концептуально противопоставленную плотской связи Джуда и Арабеллы, в русском переводе оказалось неозвученным.

Таким образом, удаление при переводе географических названий, имен собственных, эпиграфов и цитат привело к значительному сокращению интертекстуальных связей в романе, обеднению культурного и национального контекстов, что не позволило раскрыть для русского читателя более глубокие уровни этого многогранного произведения.

Второй уровень романа, отражающий психологическое развитие героев, получил, соответственно, еще меньшее отражение в переводе Майнова, хотя именно в нем сконцентрирован весь психологизм произведения.

Для передачи внутреннего состояния и психологического развития своих персонажей Гарди использует большое количество авторских

психологических описаний, внутренних монологов героев и диалогов, которые по своему стилю и объему напоминают внутренние монологи. Майнов, сделав упор на перевод сюжетного уровня романа, выбрал такую переводческую стратегию, при которой психологизм произведения уходит на второй план. Удельный объем внутренних монологов, авторских описаний, отступлений и повествований в русском переводе значительно снижается. Фактически во многих случаях вместо прямого способа передачи психологизма переводчик выбирает суммарно-обозначающий. Так, подробные описания внутреннего мира Джуда в переводе «сворачиваются» до кратких констатаций его фантазий и планов.

При таком значительном объеме генерализаций в переводе читателю сложно проникнуть во внутренний мир героя, сопереживать ему. И как бы переводчик ни старался вовлечь читателя в пространство романа, вводя такие фразы, как «наш труженик», «наш герой» (о Джуде) или «наш педагог», «наш школьный учитель» (о Филлотсоне), что не соответствует оригинальному тексту, русский читатель остается «на дистанции» от персонажей произведения. Такой перевод не способен передать, например, отчаяние Джуда, находящегося в поисках работы, в которое он приходит после получения ответного письма одного из деканов колледжей с отказом герою в предоставлении работы. Стены колледжей превращаются в оригинальном романе в символ непреодолимой социальной пропасти. В русском переводе образ стены исчезает, а вместе с ним исчезает острота отчаяния и бессилия, которое испытывает Джуд, и общая атмосфера трагизма бытия:

Оригинал

Jude perceived how far away from the object of that enthusiasm he really was. Only a wall divided him from those happy young contemporaries of his with whom he shared a common mental life; ... Only a wall – but what a wall! [Thomas Hardy 1994: 102].

Перевод

Именно теперь, когда он весь был поглощен стремлением к высшему образованию, он понял, как на самом деле он далек был от заветной цели [пер. Майнова 1897].

Дословный перевод

Джуд чувствовал, как далек он был от заветной цели. Только стена отделяла его от тех счастливых молодых его современников, с кем он делил интеллектуальную жизнь; ... Только стена – но какая стена!

В той же технике сокращения и названия передан, вернее, отмечен пунктирной линией весь путь внутреннего развития главного героя, тогда как у автора это составляет одну из центральных тем романа. Сокращены описания Кристминстера, переданные Гарди через призму восприятия Джуда и отражающие его психологическое состояние в тот или иной период его жизни, удалена сцена в таверне, где выпивший Джуд декламирует на латыни. В русском тексте также нет беседы Джуда с жителями деревни

Меригрин о Кристминстере, в которой прагматичное отношение к городу крестьян, знающих свое место в этом мире, служит контрастным фоном для передачи мировосприятия Джуда, уже оторвавшегося от своей среды, но не нашедшего своего места и потерявшего мечту.

Сократив объем и поменяв тактику описания психологии героев, Майнов не просто сместил акцент в сторону внешнего сюжета, а фактически «изъял» ядро произведения – его психологизм.

Еще в большей степени такому «операционному вмешательству» со стороны переводчика подверглась психологическая суть образа Сью. Начиная с замены уменьшительной формы имени «Сью» в оригинальном тексте на полное имя «Сусанна» в русском, Майнов методично удаляет из образа ту хрупкость и бестелесность,

которые составляют, как отмечалось выше, концептуальный для автора романа контраст материальному образу Арабеллы. Ее поступки лишены логики для русского читателя, так как сокращения диалогов, сцен с участием Сью привели к потере психологических причин ее поступков.

Оригинал

Sue's logic was extraordinary compounded, and seemed to maintain that before a thing was done it might be right to do, but that being done it became wrong; or, in other words, that things which were right in theory were wrong in practice [Thomas Hardy 1994: 261].

Перевод

Важно отметить, что сокращение диалогов главных героев, прежде всего, касались тем брака, положения женщины в обществе и семье, что было характерной тенденцией, которую можно было в то время проследить в переводах

Дословный перевод

Логика Сью была очень сложной, и казалось, что в ее свете несовершенный поступок может быть правильным, но если он совершен – он неправильный. Другими словами, то, что хорошо в теории, является неверным (дурным) на практике.

и других произведений английских авторов [Syskina 2015]. Сглаживание авторской позиции в отношении веры человека в Бога в переводе Майнова наглядно показывает следующий пример:

Оригинал

...flaw in the terrestrial scheme, by which what was good for God's birds was bad for God's gardener [Thomas Hardy 1994:12].

Перевод

Фраза автора-повествователя, носящая как будто бы случайный характер, на самом деле задает философский масштаб проблематике всего произведения, связанного с противоречивостью, алогичностью земного бытия, и остается невысказанной на страницах перевода Майнова.

Дословный перевод

...недостаток (изъян, порок) земного мироустройства, при котором что хорошо для птиц Господних, то плохо для Божьего садовника.

Таким образом, можно сделать вывод, что первый полный русский перевод романа Гарди «Джуд незаметный», выполненный И. Майновым, акцентирует, прежде всего, сюжетную составляющую романа с частичным ее сокращением и пересказом. При переводческих сокращениях пострадал наиболее важный, психологический, уровень произведения, нарушилась его геометрия вследствие снижения напряженности оппозиции персонажей, уменьшилась масштабность поставленной Гарди проблематики. Сюжетная подача переводимого материала сгладила трагичность судеб главных героев, представив фабулу как частную грустную историю неудачников.

лей: «Для данного периода характерны переделки и пересказы зарубежных произведений... в эти годы выпускаются серии популярной, развлекательной литературы, целью которой становится показать существенные социальные противоречия в доступной для читателя форме» [Матвеевко 2014: 19]. В русле этих тенденций, очевидно, осуществлен перевод Майнова романа Т. Гарди.

Список источников

- Гарди Т.* Простаки, отрывок из рассказа / пер. В. Кардо-Сысоева // Русские ведомости. 1896. № 210, 342, 344.
Гарди Т. Джуд неудачник / пер. И. Майнова // Северный вестник (СПб.). 1897. № 4–9.
Hardy Th. The Simpletons. Part 1 // Harper's New Monthly Magazine. December. 1894. P. 65–80.
Hardy Th. Jude the Obscure. UK: Penguin Books, 1994. 489 p.

Список литературы

- Абилова Ф. А.* Роман Т. Гарди «Джуд Незаметный»: предчувствие кубизма // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2006. С. 71–76. URL: <http://www.natapa.msk.ru/sborniki-pod-redaktsiey-n-t-pahsaryan/roman-t-gardi-dzhud-nezametnyy-predchuvstvie-kubizma.ht...> (дата обращения: 19.03.2017).

Причиной такого «вольного» и «поверхностного» отношения к тексту оригинала, возможно, могло быть стремление редакции журнала сохранить читательскую аудиторию, сохранив скандальный сюжет, всегда привлекающий широкий круг читателей. Такой переводческий подход может объясняться и общими демократическими тенденциями, наблюдаемыми в русском обществе конца XIX в. По мнению исследовате-

Абилова Ф. А. Функция подзаголовка в романах Уэссекского цикла Т. Гарди // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №3(34), ч. 2. С. 66–67.

Абилова Ф. А. Викторианский роман и Уэссекские романы Томаса Гарди: поэтика финала // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 72–80.

Баранова А. В. Периодизация русских переводов прозы Томаса Гарди: к постановке проблемы переводческой рецепции прозы Гарди в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 13–20.

Гордиенко О. В. Поэтика Уэссекского цикла Томаса Харди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: <http://www.disscat.com/content/poetika-uessekskogo-tsikla-t-khardi> (дата обращения: 27.01.2017).

Матвеев И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск: Изд-во Том. политехн. университета, 2014. 315 с.

Официальный сайт газеты «The Guardian». URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list> (дата обращения: 30.09.2016).

Серебрякова С. В., Величко А. А. Прагматическая заданность ахроматического колорита образа главного персонажа // Вестник Ставропольского гос. университета. Сер.: Филологические науки. 2010. № 69. С. 58–65.

Шимилина Е. В. Библиейская символика в романе Томаса Харди «Джуд незаметный» // Вестник Московского гос. областного университета. Сер.: Русская филология. 2009. № 1. С. 215–222.

Dannis B. *The Victorian Novel*. Cambridge University Press, 2000. 128 p.

Millgate M. *Thomas Hardy. His career as a novelist*. L.: the Bodley Head Ltd., 1971. 428 p.

Roberts K. *Tucker Thomas Hardy: The Ache of Modernism: English Master's Theses*. 2001. 118 p.

Syskina A. A., Kiselev V. S. The Problem of Rendering Psychological Content in V. Vladimirov's Translation of Jane Eyre (1893) // *Bronte studies: the Journal of Bronte Society*. 2015. Vol. 40, iss. 3. P. 181–186. URL: <http://dx.doi.org/10.1179/1474893215Z.000000000147>.

Wheeler M. *A Concise Companion to the Victorian Novel*. Blackwell Publishing Ltd, 2007. 189 p.

References

Abilova F. A. Roman T. Gardi «Dzhud Nezametnyy»: predchuvstvie kubizma [“Jude the Obscure” by Thomas Hardy: anticipation of cubism]. *Literatura 20 veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Literature of the 20th century: results and prospects of studying]. Moscow, 2006, pp. 71–76. (In Russ.)

Abilova F. A. Funktsiya podzagolovka v romakh Uessekskogo tsikla T. Gardi [The functions of subtitle in T. Hardy's novels of the Wessex cycle]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2015, issue 3(34), pt. 2, pp. 66–67. (In Russ.)

Abilova F. A. Viktorianskiy roman i Uessekskie romany Tomasa Gardi: poetika finala [The Victorian novel and the Wessex novels by T. Hardy: the poetics of the final]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 1(25), pp. 72–80. (In Russ.)

Baranova A. V. Periodizatsiya russkikh perevodov prozy Tomasa Gardi: k postanovke problemy perevodcheskoy retseptsiy prozy Gardi v Rossii [Periods of Thomas Hardy's fiction translation in Russia: towards translation reception of Hardy's fiction in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, issue 401, pp. 13–20. (In Russ.)

Gordienko O. V. *Poetika Uessekskogo tsikla Tomasa Gardi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The poetics of the Wessex cycle by Thomas Hardy. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. Available at: <http://www.disscat.com/content/poetika-uessekskogo-tsikla-t-khardi> (accessed 27.01.2017) (In Russ.)

Matveenko I. A. *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh gg.* [Reception of the English social criminal novel in Russian literature in 1830–1900s]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Press, 2014. 315 p. (In Russ.)

'The Guardian' official website. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list> (accessed 30.09.2016) (In Eng.)

Serebryakova S. V., Velichko A. A. Pragmaticheskaya zadannost' akhromaticheskogo kolorita obraza glavnogo personazha [Pragmatic givenness of the achromatic image of the main character]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Stavropol State University Herald: Philological Sciences], 2010, issue 69, pp. 58–65. (In Russ.)

Shimina E. V. Bibleyskaya simbolika v romane Tomasa Gardi «Dzhud nezametnyy» [Biblical symbolism in Thomas Hardy's “Jude the Obscure”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [MRSU Magazine. Russian Philology], 2009, issue 1, pp. 215–222. (In Russ.)

Dannis B. *The Victorian Novel*. Cambridge University Press, 2000. 128 p. (In Eng.)

Millgate M. *Thomas Hardy. His Career as a Novelist*. London, Bodley Head Ltd., 1971. 428 p. (In Eng.)

Roberts K. Tucker. *Thomas Hardy: The Ache of Modernism*. English Master's Theses. 2001. 118 p. (In Eng.)

Syskina A. A., Kiselev V. S. The Problem of Rendering Psychological Content in V. Vladi-

mirov's Translation of Jane Eyre (1893) *Bronte Studies: the Journal of Bronte Society*. 2015, vol. 40, issue 3, pp. 181–186. (In Eng.)

Wheeler M. *A Concise Companion to the Victorian Novel*. Blackwell Publ. Ltd., 2007. 189 p. (In Eng.)

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF THOMAS HARDY'S *JUDE THE OBSCURE*

Anastasia V. Baranova

Postgraduate Student in the Department
of General Literary Studies, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University
36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

SPIN-code: 4924-1464

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3296-706X>

ResearcherID: H-4473-2017

The paper analyzes the first Russian translations of Thomas Hardy's novel *Jude the Obscure*, which were made in the 19th century. The first translation by Barbara E. Kardo-Sysoeva was published in the *Ruskiye Vedomosti* newspaper in 1896. She translated the first chapter of *The Simpletons*, which was the first title of the novel that appeared in *Harper's New Monthly Magazine* in 1894. Russian readers became familiar with it as a short story with Jude and Arabella being the main characters, since no further translation was to be continued. However, the translator succeeded in rendering emotions, thoughts, ambitions and personal traits of Jude by making full and adequate translation of the novel's fragment. The Russian translation focuses on Jude, with the role of the all-knowing author, typical of Hardy, being reduced.

According to Hardy, Arabella represents earthy sexual substance. Thus, to highlight this idea the author used a naturalistic style while describing her appearance and behavior. This manner is opposed to the romantic style he used to introduce Sue. The opposition of these characters creates one of the geometric elements of the novel's structure. However, there is no such opposition in the fragment translated into Russian. Perhaps, it may be one of the reasons for Kardo-Sysoeva to have presented Arabella's appearance in a milder manner. Thus, she eliminated Hardy's naturalism in the translated text.

The second translation by Ivan V. Maynov was published in 1897 and is considered the first full Russian translation of the novel. Nevertheless, there are a lot of abridgments, some parts are retold rather than translated. The title was translated as *Dzhud neudachnik*, which means "Jude the Loser" or "Jude the Failure". This fact proves that Maynov substituted the author's concept of the main character and the whole novel with his own one. In fact, the translation by Maynov is focused on the plot of the novel, with the deeper layers of Hardy's work being mostly disregarded.

Key words: Russian translations of Thomas Hardy's novels; *Jude the Obscure*; *The Simpletons*; multilayered structure of the novel; translator's interpretation.